

АНАТОЛИЙ ЧЕРНИКОВ

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ГЕНЕРАЛА ПОТАТУРЧЕВА

Великая Отечественная война всё ещё таит немало загадок, событий, забытых фактов, связанных с судьбами и жизнями её участников. Об одной из таких судеб моё повествование.

Моя малая родина – большое старинное село Ленино Тульской области. До 1919 года оно называлось Князищево и было волостным центром Лихвинского уезда Калужской губернии.

Многие годы по соседству с нами жили супруги Потатурчевы. Глава семьи Герасим Андреевич – тихий, добрый, по-своему мудрый, с большим болезненным опытом мастеровой человек. Знал толк не только в хлебопашестве, но и в штукатурном, и в плотницком делах, искусно плёл лапти, в последние годы жизни был в колхозе шорником, ремонтировал на дому конскую упряжь. Его жена, украинка Анастасия Ивановна, была, напротив, крупной, осанистой, говорливой и бойкой женщиной. Я любил к ним ходить. Привлекал не только приветливый хозяин, но и различные инструменты, аккуратно разложенные в уголке на лавке. В начале 1950-х годов Герасим Андреевич умер, а его жена долго вдовствовала, работала в колхозной овощеводческой бригаде, а в старости перебралась в Одоевский дом для престарелых Тульской области, где в 1960-е годы и скончалась.

Общаясь с Потатурчевыми, я и не подозревал, что они родили сына-генерала. Через много лет, будучи студентом, я в летние месяцы вместе с сельскими мужиками принимал участие в сенокосных работах. Там довольно близко сошёлся с Фёдором Сергеевичем Родиным, умным, рассудительным крестьянином. Он и сообщил мне кое-какие скудные сведения о единственном сыне Потатурчевых. Их подтверждение я позже нашёл в архивах и в сети интернет.

Ещё в юности крестьянский сын Герасим Потатурчев овладел мастерством штукатура и не раз отправлялся на отхожие промыслы в Донбасс. Там женился на бойкой певунье и плясунье Насте. Вскоре молодые перебрались в Князищево, где 2 ноября 1898 года у них родился сын Андрей. После окончания князищевской земской четырёхклассной школы подросток продолжал жить с родителями, а в 14 лет уехал в Донбасс, где устроился работать кононом на одну из шахт.

В начале 1917 года Андрей Потатурчев был призван в армию. Служил артиллеристом в Смоленске. В феврале следующего года ефрейтор Потатурчев вместе со своими сослуживцами вступил в Петроградский партизанский отряд, который осенью 1919 года влился в Красную армию. Вскоре юноша был отправлен учиться на Петроградские артиллерийские курсы, затем в должности командира артиллерийской батареи сражался против войск Юденича, белоэстонцев, отрядов Петлюры и белополяков. После гражданской войны Андрей

Потатурчев связал свою военную службу с только что начинавшими формироваться танковыми частями. В 1936 году он окончил школу танковых механиков, а в 1935 году – Военную академию моторизации и механизации РККА и после этого два года служил в Харькове командиром учебного танкового батальона. В 1938 году Потатурчева назначают начальником автобронетанкового управления Белорусского военного округа, вскоре переименованного в Западный особый военный округ, на который в первые же дни войны будет обрушена основная мощь гитлеровских войск. Через год Андрей Потатурчев становится командиром элитного соединения Красной армии – 21-й тяжёлой танковой бригады, дислоцировавшейся в городе Белостоке. Таких бригад на то время в нашей армии было всего четыре. До Потатурчева этим подразделением командовал полковник В. В. Фавицкий, видный советский теоретик танковой войны. Служил А. Потатурчев, судя по всему, очень хорошо, потому что в июле 1940 года, когда в нашей армии были введены генеральские звания, ему присваивают звание генерал-майора бронетанковых войск.

Вскоре начался процесс образования крупных воинских соединений – танковых корпусов. Всего к началу войны наша армия имела восемь таких корпусов. Двадцать первую танковую бригаду преобразовывают в 4-ю танковую дивизию 6-го мехкорпуса 10-й армии. Потатурчев назначается комдивом. На сорокалетнего генерала возлагают большие надежды как на будущего крупного военачальника. Четвёртую танковую дивизию превращают в элитную. Достаточно сказать, что она вошла в тройку наиболее технически оснащённых военных частей Красной армии. Дивизия была укомплектована тяжёлыми 68-тонными танками КВ и новейшими советскими танками, знаменитыми “тридцатьчвёртками”. Их к началу Великой Отечественной войны в 4-й танковой дивизии было 116, а всего под началом генерала находились 355 танков. Некоторые из них, помимо традиционного вооружения – пушек и пулемётов – были дополнительно оснащены огнёмётами. Кроме того, в состав дивизии входили пехотный и артиллерийский полки. Общая численность солдат и офицеров составляла в дивизии почти 11 тысяч.

Согласно приказу командующего 10-й армией генерала К. Д. Голубева дивизия вступила в бой с фашистскими войсками 24 июня 1941 года. Перед этим она была разделена на две части: танки вошли в состав оперативной группы генерал-лейтенанта И. В. Болдина для контрудара под Гродно. А пехота и артиллерия получила приказ оборонять переправы через реку Нарев и железнодорожный мост в районе Белостока. Комдив Потатурчев не был согласен с таким расчленением своего подразделения, но приказ, разумеется, выполнил. Дивизия нанесла мощный удар по немецким войскам под Гродно, несмотря на ожесточённое сопротивление противника и массированные авиационные удары. Однако и сама в ходе боёв понесла большие потери. По признанию немецких военных историков, движение гитлеровских войск было замедлено, они потеряли три с половиной дня, необходимых им для наступления.

На контрударе под Гродно история боёв 4-й танковой дивизии не закончилась. Она в составе других наших частей приняла участие в прорыве из “Белостокского котла”, сковав на несколько дней наступление немецкой армии “Центр”. Но к 30 июня 1941 года в ходе ожесточённых боёв в дивизии кончились боеприпасы и горючее. Оставшиеся, теперь ставшие бесполезными боевые машины были по приказу комдива взорваны. Часть из них попала в руки врага. Остатки дивизии, превратившиеся в пехоту, пытались вырваться из окружения, вели непрерывные бои с 10-й мотопехотной дивизией противника и с танками Гудериана. Вырвавшиеся из окружения разрозненные отряды и группы наших солдат и офицеров делали отчаянные попытки пробиться в район Барановичей на соединение с нашими войсками.

Далее возникают некоторые нестыковки в освещении военной службы генерала А. Потатурчева. Дискуссии по этому поводу идут последние годы в сети интернет. Их катализатором явились вышедшие в начале XXI века две книги: документальная повесть белорусского журналиста М. Ф. Кадета “Тайны скорбного лета” (Минск, 2000) и публицистическая работа немецкого журналиста Пауля Кареля “Гитлер идёт на Восток”.

Книга М. Кадета построена как рассказы жены генерала Марии Алексеевны Рингель-Потатурчевой (1900–1980), врача-гинеколога, с которой беседовал автор этой документальной повести. Вот основное содержание рассказа

М. А. Потатурчевой. Из окружения генерал А. Потатурчаев выходил вначале вместе с командующим 10-й дивизии К. Д. Голубевым. Под Минском их пути разошлись. Пробираясь к линии фронта, Потатурчев столкнулся с вольнонаёмным завхозом, работавшим перед войной в тылу 4-й дивизии, и тот узнал генерала. Он предложил Потатурчеву на время укрыться в доме его родственника. Генерал согласился, а ночью его схватили немцы: завхоз, судя по всему, оказался предателем. После двухсуточных допросов Потатурчева повели на расстрел. Но пуля прошла насквозь ниже сердца. Очнулся генерал в воде, куда его, посчитав убитым, фашисты сбросили с обрыва. Заполз в камыши. Под вечер окликнул мужчину, пасшего коров. Когда стемнело, за Потатурчевым пришла девочка и привела в хату. Там его вымыли, переодели, накормили. Позже отправился к партизанам. Оттуда генерал вновь отправился к линии фронта, миновал её и в ночь на 4 января 1942 года вышел из окружения в Тульской области. При содействии военных властей добрался на машине до Москвы, явился в наркомат обороны, где ему предложили дома написать подробное объяснение всего случившегося. Утром 6 января, рассказывала жена генерала, за ним приехала машина из наркомата обороны. Больше она мужа не видела. Передачи от неё вскоре принимать перестали. Позже выяснили, что 30 сентября 1945 года А. Потатурчев умер в тюремной больнице.

Невозможно ответить на вопрос, действительно ли жена генерала всё это говорила автору книги, или тот сам от её имени придумал этот сюжет в духе современных детективов и фэнтези. Дело в том, что повествование М. Ф. Кадета опровергается рядом других источников. Прежде всего, книгой немецкого журналиста и историка Пауля Кареля “Гитлер идёт на Восток”. Она была написана в разгар “холодной войны” на немецком языке в 1963 году.

В нашей стране она находилась в спецархиве Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и долгое время была доступна только специалистам. В 2003 году книга П. Кареля была переиздана массовым тиражом издательством “ЭКСМО”.

Книги Пауля Кареля “Гитлер идёт на Восток” и “Выжженная земля”, по авторитетному мнению наших видных историков, не являются строго научными трудами по истории Второй мировой войны. Справедливости ради надо отметить, что автор стремился использовать как можно больше источников. Описание реальных событий войны он оживляет интервью с её участниками, дневниковыми записями, отрывками из документов и книг о войне, выпущенных на Западе и в СССР. В итоге получилось целостное историко-публицистическое повествование о действиях немецких войск на Восточном фронте, показанных, в основном, глазами немецких офицеров, генералов и солдат. Но написать по-настоящему объективную книгу о войне Карелю не удалось. Правдивые картины боевых действий перемежаются стереотипами о неисчислимых сибирских и даже монгольских дивизиях, воевавших против немцев, о “коммунистах-фанатиках”, о “непрестанных потоках американской военной помощи”. Причины поражений гитлеровских войск автор склонен усматривать не в массовом героизме нашего народа, а в изначально авантюрных планах Гитлера, в плохих русских дорогах, в зимней стуже, в осенней и весенней распутице. В изложении некоторых военных событий, в биографиях советских государственных и военных деятелей, в статистических и географических данных имеются неточности. Ко многим положениям книги следует относиться критически, учитывая время её написания, взгляды автора и тех очевидцев, чьи суждения он приводит.

В плане интересующей нас истории книга ценна тем, что П. Карель приводит в ней протокол допросов попавшего в плен генерала Потатурчева. Правдивость этого документа подтверждает ещё одна, сравнительно недавняя публикация: в восьмом номере “Военно-исторического журнала” за 2011 год ведущим инженером московского ЗАО “Вымпелком” А. В. Исаевым был обнаружен хранящийся в Национальном архиве США протокол допросов Андрея Потатурчева.

Но и в эти материалы вкрались неточности. И Карель, и Исаев полагают, что Потатурчев попал в плен при попытке выхода из окружения. Из рассказа же моего земляка Ф. С. Родина следует, что генерал в начале августа 1941 года в гражданской одежде и в лаптях, без видимых признаков ранения, появился в родном селе. Несколько дней он провёл с родителями, а потом ушёл в сторону Калуги. Эту информацию подтвердил и другой житель нашего села А. П. Казаков, которому на то время было 13 лет. Это событие Казаков не только запомнил,

но и позже зафиксировал в своих воспоминаниях “Записки гармониста”, первый машинописный экземпляр которых находится сейчас у проживающей в Жуковском районе Калужской области его дочери, а второй – у меня.

Свой путь генерал Потатурчев держал в Оршу, видимо, надеясь встретить там сослуживцев. Но ему не повезло. 27 августа А. Потатурчев наткнулся на немецкий патруль. При нём нашли партбилет и служебное удостоверение и препроводили в штаб 221-й гитлеровской дивизии, находившейся в Бобруйске. Интерес к Потатурчеву со стороны немцев был велик, потому что он оказался первым советским генералом, попавшим в плен. Всего за годы Великой Отечественной войны в немецком плену побывали 82 наших генерала.

Допрашивал А. Потатурчева в Бобруйске 29-30 августа 1941 года полковник генерального штаба гитлеровской армии Хюбнер. Он и подписал протоколы допросов. Остановлюсь на их основном содержании. Генерал объективно охарактеризовал боеспособность своей дивизии к началу войны, назвав прекрасной боевой машиной Т-34. Что касается тяжёлых танков KV, то они, по его словам, слишком медленны, а их моторы быстро перегреваются, зато они обладают мощной бронёй, не уязвимой для вражеских снарядов.

Своими полковыми командирами он был доволен, потому что почти все они были опытными обстрелянными людьми, участниками финской войны. В то же время, отметил Потатурчев, основную массу офицеров дивизии составляли молодые люди, которые хотя и были технически грамотными, но у них отсутствовал необходимый боевой опыт.

Генерал собственноручно нарисовал и подписал схему боевого состава своей дивизии накануне войны. Почему-то именно это и вызвало негативное отношение к нему со стороны наших блогеров. Некоторые даже посетовали, что Сталин мало расстрелял в конце 1930-х годов предателей, подобных Потатурчеву. На самом деле никакого предательства и разглашения военной тайны здесь не было: дивизии уже не существовало, немцев скорее интересовало не расположение полков и батальонов уже не существующей дивизии, а, прежде всего, то, в какой мере Потатурчев был опытным, знающим своё дело командиром, владевшим ситуацией.

На вопрос, какой опыт лично он приобрёл в результате боёв в первые дни войны, Потатурчев указал в целом на достаточно эффективные действия немецкой противотанковой артиллерии, однако, отметил он, танкам KV она не причиняла особого ущерба.

Потатурчев отрицательно отзывался о наличии в Красной армии комиссаров, которые, по его мнению, были “стратегически неграмотными”, но наделены такой властью, что без их подписи не имел силы ни один приказ, подготовленный штабами. Подобное мнение разделяли многие участники войны, начиная от Г. К. Жукова и кончая рядовыми солдатами.

На вопрос, что он думает о советских военачальниках Будённом, Ворошилове и Тимошенко, а также о Сталине, Потатурчев ответил так: “Тимошенко – это великий человек и очень хороший солдат. Нет никого лучше, чем он. Он строг, требователен и хороший тактик. Он располагает доверием всей армии.

Ворошилов – 60-летний старик. Он большой человек в России, поскольку занимает важное место в партии. Он больше политик, чем солдат. О Будённом он сказал, что Будённый весьма популярен. Он очень известен и любим армией и народом благодаря гражданской войне. В военном отношении он находится ниже Тимошенко” (с. 54).

Сталина он лично не знает. По его мнению, это умный, но жёсткий и даже жестокий человек. Репрессивными мерами в 1937 году в отношении советских военачальников он нажил себе немало недоброжелателей.

В советской экономике, заявил генерал, он многим недоволен. Особенно это касается положения дел в колхозах, потому что крестьяне не заинтересованы в результатах своего труда, так как работают исключительно на государство. Следовало бы также, по его мнению, предотвратить самостоятельность городским и сельским ремесленникам, вернувшимся к практикам нэпа.

Трудно сказать, были ли подобные ответы продиктованы желанием Потатурчева выжить, подыграв немцам, или это было его твёрдым убеждением. Вполне допускаю, что некоторые из его ответов составители протокола могли исказить или подтасовать. Во всяком случае, предвзятость, высокомерие и субъективизм по отношению к допрашиваемому ощущаются в целом ряде мест протокола.

Особенно это высокомерие, арийско-нацистский снобизм звучит в выводах немцев о крайне низком, по их мнению, культурном уровне советского генерала и об отсутствии у него “сознания национальной чести и долга, которая является у нас само собой разумеющейся”: “Его внешний облик и поведение выдают в нём человека примитивного склада. Он коренастый, крепко сложенный, с чёрными волосами и усами. В одежде русского рабочего, которую он носил, в нём никак невозможно угадать офицера высокого ранга. Черты его лица не представляют ничего выдающегося. Поведение неуверенное и сдержанное, он перестаёт быть робким только тогда, когда к нему относятся вежливо и предупредительно.

В его осанке отсутствует строгость и уверенность, которую мы знаем по каждому немецкому офицеру. Правил этикета он практически не знает. Его манера есть просто невозможна. Положив на стол обе руки, он с чавканьем глотает свой суп <...>.

По словам переводчика, он не выбирает выражений и употребляет обычные сквернословия русских офицеров <...>. Здесь показывает себя отсутствие завершённого воспитания и образования.

Это наблюдение не является единичным, а повторяется в целом при многих допросах русских офицеров высокого ранга” (с. 56).

Необходимо заметить, что подобные негативные оценки содержатся и в протоколах допросов других советских военачальников. Их приводит в своей книге Пауль Карель. По этому поводу следует сказать следующее: наши генералы и офицеры были, в основной своей массе, выходцами из рабоче-крестьянской среды. Будучи интеллигентами в первом поколении, общей культурой, этикетом поведения они действительно владели недостаточно. Им некогда и неоткуда было всё это усваивать, ибо, в первую очередь, они были озабочены тем, чтобы “учиться военному делу настоящим образом”, овладевать наукой побеждать. И это им, как показал дальнейший ход Великой Отечественной войны, вполне удалось.

Что же касается генерала Потатурчева, то после допросов он был отправлен в концлагерь как обычный военнопленный, где претерпевал те мучения, которые выпадали на долю наших пленных офицеров и солдат. Его переводили из лагеря в лагерь, причём всё более жестокого типа. Возможно, мстили за отказ вступить в армию Власова.

За четыре военных года генерал-майор А. Потатурчев прошёл все круги ада фашистских концлагерей. В мае 1945 года он вместе с другими военнопленными был освобождён американскими войсками из концлагеря Дахау и доставлен в репатриационный пункт, находившийся в Париже.

27 мая 1945 года секретарь И. В. Сталина положил ему на стол секретное донесение начальника советской военной разведки генерала В. Абакумова: “В соответствии с Вашим указанием вчера, 26 мая с. г. работниками Главного управления “СМЕРШ” на двух самолётах из Парижа в Москву были отправлены 29 генералов Красной армии, три комбатанта и один бригадный врач, находившихся в плену у немцев”. В прилагавшемся к этому донесению списке значились 33 фамилии, в том числе и А. Г. Потатурчев.

Генерал, чьё здоровье было безнадежно подорвано пребыванием в фашистских концлагерях, был помещён в больницу, а оттуда отпущен домой. Однако в ходе так называемой “спецпроверки” в ноябре 1945 года он был арестован органами НКВД и помещён сначала в Лефортовскую, в затем и в Бутырскую тюрьму, где и умер в июле 1947 года в тюремном лазарете на 49-м году жизни.

В июле 1953 года генерал-майор Потатурчев был посмертно реабилитирован Военной коллегией Министерства внутренних дел СССР. Его жена вспомнила, что в августе этого же года её пригласили в пенсионный отдел Министерства обороны СССР и сообщили о назначении пенсии за полностью реабилитированного мужа.

У генерала Потатурчева было двое детей: дочь 1924 года рождения и сын, родившийся в 1925 году. О жизни дочери ничего не известно. А его сын тоже был участником Великой Отечественной войны. В апреле 1944 года старший сержант Владимир Потатурчев погиб при освобождении Севастополя, о чём в Книге памяти этого города-героя есть соответствующая запись. Вдова генерала Мария Алексеевна Потатурчева умерла в Москве в 1980 году. Родители генерала до конца своих дней так ничего и не знали о его трагической судьбе.

Война не просто проехала тяжёлым танком по жизни крестьянского сына Андрея Потатурчева, но ещё покрутилась на ней своими мощными безжалостными гусеницами.